

Национальная академия наук Украины: взгляд научного работника.

*Нельзя быть композитором и не быть музыкантом,
но можно стать академиком и не быть ученым*

Химия и жизнь, 1992 г., № 3.

На сегодняшний день написано немало статей, посвященных академии наук. Чаще всего, за эту работу брались профессиональные журналисты, а иногда даже сами академики. Но род деятельности и окружение человека во многом определяют способ его мышления. Представители различных сфер смотрят на одно и то же здание с разных сторон. Одни видят только шикарный фасад, другие замечают обсыпавшуюся штукатурку сбоку и лишь немногие знают про существование непрезентабельной задней части здания. А ведь на это здание можно смотреть еще изнутри: на его шикарно отремонтированные или рухнувшие от ветхости помещения. Как там живет внутри? И не в начальственных кабинетах с евроремонтом, а в обычных лабораториях. Этот вопрос почти не освещался.

Совсем не удивительно, что тех, кто обращался к теме НАН Украины, интересовали в основном ее формальная структура, имущество, которое находится у нее на балансе, финансирование (а также те бездонные ямы, куда оно уходит). В глазах у большинства людей (и журналисты тут не исключение) НАН Украины ассоциируется, прежде всего, с ее действительными членами – академиками. А те десятки тысяч людей, которые работают в этой структуре, рассматриваются, прежде всего, как потребители фонда заработной платы. В лучшем случае – как поставщики малозначительных фактов. Между тем, именно эти люди (вернее – небольшая их часть) делают или пытаются делать нашу науку. Научные работы – актуальные и не актуальные, хорошие и плохие – выполняются не в высоких кабинетах, а в плохо оснащенных лабораториях. И выполняются они в основном не людьми, переобтяженными титулами, званиями, наградами и высокими должностями. Преимущественно они делаются энтузиастами, которые не имеют (или почти не имеют) в этом прямой заинтересованности. Большинство иностранных академий представляют собой общественные организации. Их члены (академики) платят членские взносы, не имеют административной власти и вполне могут исчерпывающе репрезентировать свою организацию. Если мне не изменяет память, М. Грушевский отказался стать первым президентом НАН Украины, мотивируя это тем, что академия должна быть общественной организацией, а не государственным учреждением. Но этому не суждено было сбыться.

Современная НАН Украины скорее напоминает отрасль промышленности времен бывшего СССР. На вершине пирамиды – министерство, главки... А в низу – заводы, склады, автобазы, хозяйства... Министерство ничего не производит, но имеет изрядный штат, потребляет большое финансирование и жестоко подавляет инициативу на местах. Образуйся завтра на месте здания министерства метеоритный кратер – отрасли это пошло бы только на пользу. Ведь производством продукции (качественной и бракованной, нужной и “неходовой”) занимаются именно заводы. С определенной долей условности заводы можно сравнить с научно-исследовательскими институтами (НИИ). Многие знают, что на предприятиях тоже есть свой административный штат (на 50-90% ненужный). В лучшем случае эти 50-90% просто потребляют огромное количество ресурсов. Аналогично и в НИИ, с той только разницей, что управленческая верхушка никогда не является только бездеятельным потребителем. Она активно вмешивается в работу ученых.

Представим себе такую ситуацию: двое на берегу речки ловят рыбу. Один из них – увлеченный и умелый рыбак, другой ни одной рыбы за жизнь не поймал. Даже неопытный наблюдатель заметит между ними разницу. Оба рыбака получают зарплату, но не от количества пойманной рыбы, а то выстоянного времени, числа использованных червей и т.д. Первый рыбак (ученный) ловит одну рыбу за другой, не имея почти ни какой заинтересованности. Второй (чиновник) рыбу ловить не только не умеет, но и не хочет. Зачем ее ловить? Ведь она такая мокрая, скользкая, противная. Внимание вопрос: как вести себя нашему мнимому рыбаку, чтобы не отличался (по результативности) от настоящего? Правильно: надо всячески мешать последнему, кидать в воду камни, сломать ему удочку и вообще запретить подходить к речке. Именно в этом и состоит политика администрации, как высшего уровня, так и в середине НИИ. Не трудно понять, что никакое повышенное финансирование, никакие косметические реформы тут делу не помогут. Скорее – наоборот.

Науку делает горстка энтузиастов, которые в своем большинстве не имеют в этом прямой заинтересованности. И они постоянно подвергаются нападкам сверху. Но такая уж судьба ученых. Отчасти это даже объективно. Ведь еще в советские времена признали, что среди миллионов людей, занятых в мировой науке, основную научную информацию производят только десятки тысяч. И это на весь земной шар. Легко себе представить, какая часть этих людей приходится на Украину. В лучшем случае – сотни. И именно эти люди оказались в наиболее тяжелом положении. Именно их мы теряем в первую очередь. В обществе распространилось мнение, что ученые едут на Запад потому что “там хорошо”. Это не так. Преимущественно едут потому, что тут в

буквальном смысле не дают работать. И едут далеко не все. Многие просто отходят от дел или спиваются.

А кто остается? Преимущественно те, кто хочет доработать до пенсии, кому некуда идти или кто связан по рукам и ногам общежитием. Заберите общежитие, и завтра же разбежится половина НАН Украины. Большинство из тех, кто все же остался тут, работают не творчески, а механически. В лучшем случае они служат помощниками своим коллегам. А в худшем – помощниками администрации, которая ставит ученым палки в колеса. Я уже молчу, что где-то от 30 до 50% многих научных коллективов составляют “мертвые души”.

Как бы то ни было, тенденция однозначна: молодежь не хочет идти на такие “прелести”. А те, кто попал по неопытности и незнанию, со временем понимают свою ошибку. И уходят (или уезжают). А старшие коллеги тем временем дорабатывают последние годы до пенсии... Но чиновников от науки это все не очень беспокоит. И логика их вполне понятна: “после нас хоть потоп”.

Сейчас руководство НАН Украины все больше говорит про “альтернативные” источники финансирования. Отмечу тут лишь два момента: во-первых, эти деньги раскрадываются с таким же успехом, как и бюджетные. Даже с еще большим: ведь спрос тут возможен только со стороны “инвестора”, а с ним все улажено за счет “откатов”. Во-вторых, отрабатывая те крохи, которые все-таки до них дошли, сотрудники на местах часто вынуждены заниматься работой, которая не имеет ничего общего с наукой. Другими словами, от “внебюджетного финансирования” нередко больше вреда, чем пользы.

Если взять во внимание разницу социальных статусов, то между академиками (или членами-корреспондентами) с одной стороны и докторами наук с другой, лежит очень большая пропасть. Она, очевидно, куда более широкая, чем расстояние между профессором и студентом. Те, кто перескочил эту пропасть (или перешел, завалив ее чужими трупами) попадают в касту “неприкосновенных высших”. Они получают очень широкие административные и финансовые полномочия, которые не идут ни в какое сравнение с тем, что имеют их западные коллеги. Официальный доход академиков составляет лишь “карманные деньги” по сравнению с доходом реальным. По сути, они являются элит-бизнесменами среднего уровня. Отсюда становится вполне понятным стремление наших академиков любой ценой сохранить структуру организации.

В советские времена был крамольный анекдот: “тут не краник, тут всю систему

менять надо”. В нашем случае дело еще более запущено – менять надо сам принцип. Не нужно подводить воду в спальню (а в ванную комнату – желательно). И уж совсем не обязательно совмещать кухню с санузлом. Но именно такие “шедевры” заложены в основоположных принципах организации НАН Украины.

Саму же науку можно сравнить с деревом. Корни и листья – это сотрудники, которые занимаются нужной и полезной, но все же механической работой. Она тоже необходима, но ей надо правильно воспользоваться. Мертвая древесина - это администрация. Она ничего полезного не делает, а только тянет на себя соки. (Если в настоящем дереве отмершие ткани исполняют массу жизненно важных функций, то в нашем случае – едва ли). И наконец, тонкий, узкий слой живых клеток между древесиной и корой – камбий. Это и есть ученые. Те, кто делает науку. Камбий очень нежен и нуждается в защите. Он боится морозов, засухи, прямых солнечных лучей. То, что может с легкостью перенести мертвая древесина, для него губительно. Но именно за счет камбия и происходит рост дерева – ввысь и вширь. И в отличие от мертвой древесины, камбий способен восстанавливаться и залечивать раны. На смену “потерянным поколениям” могут прийти новые поколения ученых. Вспомните генетику и кибернетику 30-х. Но эта способность к восстановлению не безгранична. На данный момент в Украине ведется полномасштабная война с наукой. Она вполне аналогична той, которую в свое время вел академик Т.Д. Лысенко. Часто используются даже почти такие же методы. Недостает разве что НКВД. Камбий нашей науки сильно поврежден морозами. Я не могу сказать, не перейден ли уже предел его жизнеспособности. И тогда останется одна мертвая древесина, которая продолжит брать на себя соки.

В заключении хотел бы выразить искреннюю признательность всем тем чиновникам от науки, которые вдохновили меня на этот труд. Ранее я не мог написать данную статью уже два года. Но благодаря их стараниям написал за три часа.

18. 01. 2008 г. Киев

В.Н. Витер